

Автор перевода: Корвин

Стивен Кинг
История Лиззи

Лиззи и Аманда
(Все по-старому)

1

Супруги известных писателей практически невидимы для глаз публики, и никто не знал этого лучше Лиззи Лэндон. Ее муж получил Пулитцера и Национальную книжную премию, но Лиззи давала интервью всего один раз в жизни. Его взял известный женский журнал для колонки «Да, я Его жена!» Чуть ли не половину коротенькой статьи составляло ее разъяснение, как надо произносить ее прозвище. Большая часть оставшейся половины была посвящена ее рецепту приготовления ростбифа на медленном огне. Сестра Лиззи, Аманда, сказала, что на фотографии, сопровождающей статью, Лиззи выглядит толстой. Ни одна из сестер Лиззи не могла устоять перед искушением подпустить шпильку (их отец называл это «поднять вонь») или перемыть кому-нибудь косточки, но только к одной из них Лиззи нелегко было хорошо относиться – все к той же Аманде. Самая старшая (и самая странная) из урожденных сестер Дебушер из Лисбон-Фоллз, Аманда в настоящее время жила одна, в доме, подаренном ей Лиззи – маленьком, но прочном домике недалеко от Каслвью, где Лиззи, Дарла и Кантата могли за ней приглядывать. Лиззи купила ей этот дом семь лет назад, за пять лет до смерти Скотта. Преждевременной смерти. Безвременной смерти, как принято говорить. Лиззи все еще трудно было поверить, что это случилось два года назад. Ей казалось, что прошло больше времени, и в то же время – что она и оглянуться не успела.

Когда Лиззи наконец решила освободить его офис – анфиладу хорошо освещенных комнат, когда-то бывших всего лишь чердаком над сельской конюшней, на третий день заявила Аманда. Лиззи как раз закончила опись заграничных

1

изданий (их были сотни) и только принялась за список мебели, где предметы, которые она планировала оставить у себя, были помечены звездочками. Она ожидала, что Аманда спросит, почему, ради всего святого, она так копается, но Аманда не задавала вопросов. В то время как Лизи покончила с мебелью и посвятила целый день вялому перебиранию содержимого картонных коробок с письмами, хранившихся в большой кладовке, Аманда сосредоточила внимание на кипах и стопках газет и журналов, высившихся вдоль южной стены кабинета. Она крутилась возле этих залежей, почти ничего не говоря, но периодически заноса что-то в блокнотик, который держала под рукой.

Лизи не спросила у нее ни «Что ты ищешь?», ни «Что ты там записываешь?». Как говаривал Скотт, Лизи обладала редчайшим талантом: она не лезла в чужие дела, но не особенно возмущалась теми, кто это делает. Конечно, речь не шла о тех, кто делает бомбы, чтобы запустить их в кого-нибудь, чего нельзя было исключать в случае Аманды. Она была из тех, кто не может не совать нос в чужие дела, из тех, кто рано или поздно непременно открывает рот. В 1985-м ее муж отбыл на юг из Рамфорда, где они жили вместе («как парочка росомах в канализации», как сказал Скотт, побывав у них в гостях и поклявшись не повторять этого эксперимента). В 1989-м ее единственная дочь Интермеццо, сокращенно – метци, уехала на север, в Канаду (со своим дружкой, водителем-дальнобойщиком). «Кто летит на север, кто летит на юг, кто из них не может рот закрыть на крюк». Этот стишок читал им в детстве отец. Кто же из дочерей «Денди-Дейва» Дебушера не мог закрыть рот на крюк? Разумеется, Мэнда, от которой сбежал сперва муж, а потом и дочь.

Как ни трудно было Лизи любить Аманду, она не хотела, чтобы та жила в Рамфорде одна; боялась оставлять ее одну, если уж на то пошло. И хотя они с сестрами никогда об этом не говорили, Лизи была уверена, что Дарла и Кантата чувствовали то же самое. Она поговорила со Скоттом и нашла коттедж в стиле «Кейп-Код», за который просили 97 тысяч долларов наличными. Вскоре Аманда переехала, оказавшись на расстоянии, с которого за ней было легко присматривать. А теперь Скотта уже не было, и Лизи наконец принялась за

Comment [M1]:

Comment [M2R1]:

¹ Известный детский стишок, из которого Кен Кизи взял название своего знаменитого романа «Полет над гнездом кукушки» (в другом, более близком к тексту переводе – «А этот выпал из гнезда»),

разборку его кабинета. К середине четвертого дня заграничные издания были уложены в коробки, письма маркированы и приведены в подобие порядка, и она определилась с тем, какую мебель хочет оставить, а от какой избавиться. Откуда же это чувство, будто она так мало успела? Она с самого начала знала, что в этом деле спешить нельзя, несмотря на назойливые письма и звонки, начавшиеся после смерти Скотта (а также визиты). Она предполагала, что рано или поздно охотники за неопубликованными рукописями Скотта получат свое, но не раньше, чем она будет готова их отдать. Сперва они не могли этого понять; не врубались, как принято говорить. Но сейчас ей пришло в голову, что большинство из них как раз все понимали.

Существовало много терминов для того, что оставил после себя Стив. Полностью она понимала только один из них – архив. Но было и другое слово – странное слово, что-то вроде «инкункабила». Вот что было нужно этим нетерпеливым, – и льстецам, и злюкам, – «инкункабилы» Скотта. Лизи про себя прозвала их «инкунсы».

2

То, что она чувствовала, особенно после появления Аманды, можно было бы назвать обескураженностью – словно бы она недооценила размеры задачи или переоценила (и здорово) свою способность довести ее до неминуемого завершения – оставшаяся мебель составлена внизу, в конюшне, ковры скатаны и заклеены скотчем, а на подъездной дорожке стоит желтый грузовичок «Райдер», отбрасывая тень на штакетник, отделяющий ее двор от участка соседей, Гэллоуэев. Ах да, не будем забывать про печальное средоточие этих комнат – три компьютера (их было четыре, но тот, что стоял в «архивном уголке», погиб благодаря самой Лизи). Каждый следующий был новее и легче предыдущего, но даже самый новый из них был крупной настольной моделью, и все три были в рабочем состоянии. Они были защищены паролями, которых Лизи не знала. Она никогда не спрашивала и понятия не имела, каким электронным мусором забиты жесткие диски компьютеров. Списки покупок? Стихи? Эротика? Она была уверена, что он был подключен к Интернету, но понятия не имела, какие сайты

он посещал. «Амазон»?² «Драдж»?³ «Музыка Хэнка Уильямса»?⁴ ««Золотой дождь» и Башня Власти Мадам Круэллы»?⁵ Она склонялась к мысли, что вряд ли последнее, потому что иначе она бы увидела счета (или, по крайней мере, неувязки в ежемесячных расходах), хотя на самом деле это была чушь. Если бы Скотт захотел скрыть от нее хоть тысячу в месяц, он бы смог это сделать. А пароли? Самое смешное, что он вполне мог их ей назвать. Такие вещи просто не держались у нее в голове. Она подумала, что стоит попробовать ввести свое собственное имя. Может быть, после того, как Аманда наконец уедет. Хотя непохоже было, чтобы это произошло скоро. Лизи откинулась на спинку стула и сдунула волосы со лба. «Такими темпами я доберусь до рукописей не раньше июля», подумала она. «Инкунсы взбесились бы, если бы увидели, как я копаюсь. Особенно тот, последний». Последний – он приехал к ней пять месяцев назад, – сумел сдержать себя и говорил с ней так вежливо, что она было подумала, что он не такой, как другие. Лизи сказала ему, что офис Скотта на то время пустовал уже полтора года, но она почти набралась сил и решимости, чтобы подняться туда и приступить к уборке и приведению комнат в порядок. Посетителя звали профессор Джозеф Вудбоди, он преподавал на отделении английского языка Питтсбургского университета. Питт был «кальма матер» Скотта, и курс Вудбоди «Скотт Лэндон и американский миф» был чрезвычайно популярен. В этом году четверо его аспирантов писали докторские по Скотту Лэндону, так что инкунс-воитель не мог не возобладать в нем после неопределенных обещаний Лизи приступить к делу «скорее раньше, чем позже, и почти точно этим летом». Но только когда она завершила, что позвонит ему, «как только уляжется пыль», Вудбоди дал себе волю. Он сказал, что то, что она делила ложе с великим писателем, не дает ей права быть его литературным душеприказчиком. Это работа для специалиста, сказал он, а миссис Лэндон, насколько ему известно, даже не закончила колледж. Он напомнил ей, сколько времени прошло со смерти Скотта Лэндона, и о слухах, продолжающих распространяться. Предполагалось, что существуют целые кипы

² Крупнейший Интернет-магазин электроники, книг, DVD и т.д.

³ Сайт, содержащий ссылки на новостные статьи в американских и зарубежных изданиях.

⁴ Уильямс – американский певец в стиле «кантри».

⁵ Вымышленное название порносайта.

неопубликованных работ Лэндона – рассказов и даже романов. Неужели она не может хоть ненадолго впустить его в кабинет? Позволить ему заглянуть в шкафы и ящики столов, хотя бы для того, чтобы опровергнуть наиболее дикие слухи? Разумеется, она может при этом присутствовать – это даже не обсуждается.

– Нет, – сказала она, провожая профессора Вудбоди до дверей. – Я еще не готова.

Она пропустила мимо ушей его шпильки, – по крайней мере, постаралась, – потому что он явно оказался таким же психом, как и остальные. Просто он лучше и несколько дольше это скрывал.

– А когда я буду готова, то захочу осмотреть все, не только рукописи.

– Но...

Она серьезно кивнула ему.

– Все по-старому.

– Не понимаю, что вы хотите этим сказать.

Конечно, он не понял. Это было выражение из их семейного лексикона. Сколько раз Скотт врвался в дом и кричал ей: «Эй, Лизи, я пришел! Все по-старому?» Имелось в виду «Все ли в порядке?», «Все ли в норме?». Но, как и в большинстве «фраз силы»⁶ (Скотт как-то раз объяснил ей это, но Лизи и так об этом знала), в ней был скрытый смысл. Человек вроде Вудбоди ни за что не уловил бы скрытый смысл фразы «все по-старому». Лизи могла бы хоть целый день его растолковывать, но Вудбоди все равно бы не понял. Почему? Потому, что он был инкунс, а когда речь шла о Скотте Лэндоне, Инкунсов интересовало только одно.

– Не важно, – только и сказала она профессору Вудбоди в тот день, пять месяцев назад. – Скотт понял бы.

3

Если бы Аманда спросила Лизи, где хранится «архив» Скотта – награды, памятные таблички и прочее в этом роде, – Лизи солгала бы (врала она неплохо для человека, который редко этим занимается), что они на складе в Меканик-Фоллз. Но Аманда не спросила. Она демонстративно продолжала

⁶ Термин из популярной психологии, означающий фразы, якобы помогающие оказать влияние на публику (например, в маркетинге – чтобы продать свой продукт, в политике – чтобы убедить избирателей и т.д.)

листать блокнотик, явно надеясь, что сестра задаст ей напрашивающийся вопрос, но Лизи молчала. Она думала о том, каким пустым стал этот уголок, пустым и *неинтересным*, лишившись многих сувениров, принадлежавших Скотту. Они либо были поломаны (как монитор компьютера), либо слишком поцарапаны и помяты, чтобы выставлять их напоказ; такой экспонат вызвал бы больше вопросов, чем мог бы дать ответов.

Наконец Аманда сдалась и раскрыла блокнот.

– Посмотри-ка, – сказала она. – Взгляни сюда.

Мэнда протянула Лизи блокнот, раскрытый на первой странице. На разлинованном листочке, от колечек скрепляющей блокнот спирали до самого правого края («как зашифрованное послание от уличного сумасшедшего, на которых вечно натыкаешься в Нью-Йорке, потому что не хватает средств на бесплатные психбольницы», устало подумала Лизи), теснились цифры. Большинство из них были обведены кружочками. Очень немногие – квадратными рамочками. Мэнда перевернула страницу, и следующая оказалась заполнена тем же самым. Числа заканчивались на середине третьей страницы. Последним было 846.

На раскрасневшемся, оживленном лице Аманды было лукавое и несколько заносчивое выражение. Когда ей было двенадцать, а Лизи всего два, это выражение означало, что Мэнда Взяла Что-то На Себя; и кое-кто еще поплачет. Чаще всего – сама Аманда. Лизи с интересом (к которому примешивалась доля ужаса) ждала, когда же выяснится, что означало это выражение на сей раз. Аманда с самого приезда вела себя как ненормальная. Может быть, все дело было в гнетущей духоте. Но скорее причина была во внезапном исчезновении ее любовника. Если Мэнда собирается закатить очередную бурю из-за того, что ее бросил Чарли Корриво, лучше мне крепче пристегнуть ремни, подумала Лизи. Корриво никогда не вызывал у нее ни симпатии, ни доверия, будь он хоть трижды банкиром. Как она могла доверять ему после того, как случайно услышала на весенней ярмарке выпечки в библиотеке, что ребята в «Зрелом тигре»⁷ называют его «Бобовый стрелок»? Странное прозвище для банкира. Что оно вообще

⁷ Этот бар упоминается в романе Кинга «Нужные вещи».

означает? И он не мог не знать, что в прошлом у Мэнды были проблемы с психикой...

- Лизи! - окликнула ее Аманда, нахмутив лоб.

- Извини, - сказала Лизи. - Я просто... на секунду отвлеклась.

- Как всегда, - заметила Аманда. - По-моему, это Скотт тебя заразил. Повнимательней, Лизи. Я пронумеровала все эти журналы и научные штуковины. Те, что сложены у стены.

Лизи кивнула, словно понимала, к чему ведет сестра.

- Я надписывала их карандашом, без нажима, - продолжала Аманда. - Делала это, когда ты отворачивалась или уходила, потому что думала, что если ты увидишь, то запретишь мне.

- Я бы не запретила. - Она взяла блокнотик, размокший от пота его хозяйки. - Восемьсот сорок шесть! Как много!

Она знала, что издания, лежавшие вдоль стен, были не из тех, которые сама она могла бы читать и хранить дома («О», «Домашний очаг» или «Мисс»). Там были «Севани Ревью», «Глиммер Трэйн», «Оупен Сити»⁸ и журналы с непонятными названиями вроде «Пискья».

- Намного больше, - сказала Аманда, ткнув пальцем в сторону стопок книг и журналов. Взглянув на них пристальней, Лизи поняла, что сестра права. Их было гораздо больше восьмисот сорока с чем-то.

- Всего тут почти три тысячи, и я понятия не имею, куда ты их отправишь или кому они могут быть нужны. Нет, восемьсот сорок шесть - это тех, в которых есть твои фотографии.

Она выразилась так неуклюже, что Лизи не сразу ее поняла. Но когда поняла, пришла в восторг. Ей никогда не приходило в голову, что существует такой неожиданный источник фотографий - тайное отражение ее жизни со Скоттом. Но если задуматься, ничего удивительного в этом не было. Они были женаты больше двадцати пяти лет, и Скотт все эти годы неумолимо путешествовал, выступая с чтением своих произведений и лекциями по всей стране практически все время, когда не писал, посещая девяносто университетов в год, не снижая темпа в кажущемся бесконечным потоке рассказов. И в большинстве этих путешествий она была вместе с ним. В скольких мотелях она отпаривала ему костюм

⁸ Литературно-культурологические журналы.

маленьким шведским приборчиком под псалмообразное бормотание ток-шоу в ее половине комнаты и доносившееся с его половины клацанье портативной машинки (в первые годы брака) или тихое щелканье клавиш ноутбука (позже), за которым сидел он со спадающей на лоб прядью волос? Мэнда смотрела на нее с кислым выражением, явно недовольная ее реакцией.

- Те, что обведены кружочком - их больше шестисот, - это те, где в текстовке с тобой обошлись невежливо.

- Вот как? - Лизи была озадачена.

- Сейчас покажу. - Аманда заглянула в блокнот, подошла к кипе, покоящейся у стены, снова заглянула в блокнот и вытащила два журнала. Первый был дорогим с виду изданием, издающимся дважды в год в твердой обложке Университетом Кентукки в Боулинг-Грин. Второй - размером с дайджест, очевидно, плод студенческих усилий, - назывался «Толкай шкуру» - из тех названий, которые кажутся премилыми старшекурсникам-филологам, но при этом ничего не означают.

- Открывай, открывай! - скомандовала Аманда, сунув журналы сестре. Лизи почувствовала исходящий от нее резкий запах пота. - Страницы заложены шматочками бумаги.

Шматочки. Так их мать называла кусочки. Первым Лизи раскрыла на заложенной странице журнал в твердой обложке. Фотография, на которой были они со Скоттом, отличалась прекрасным качеством печати. Скотт поднимался на трибуну, а она стояла позади него и аплодировала. Публика в зале тоже аплодировала. Фото в «Толкай шкуру» было куда более размытым. Точки, из которых состоял растр, были такие огромные, точно их поставили тупым карандашом, а в низкосортной бумаге виднелись кусочки непереработанной древесины, но при взгляде на фотографию ей захотелось плакать. Скотт входил, как можно было подумать, в темный погреб. На лице его сияла до боли знакомая ей улыбка, говорившая: «Ага, я попал куда надо!» Она шла на шаг-другой позади, и ее улыбку освещала, вероятно, мощная фотовспышка. Ей удалось даже разглядеть свою блузку: синяя блузочка от Анны Кляйн с забавной красной полосочкой на левой полочке. Все, что было ниже талии, ушло в тень, и хотя она даже не могла вспомнить, что это был за вечер, но была уверена, что на ней были линялые джинсы. Текстовка гласила: «Живая легенда Скотт Лэндон (со своей подружкой) в

прошлом месяце посетил клуб «Сталаг-17» в Университете Вермонта. Лэндон оставался там допоздна, читая свои произведения, танцуя и общаясь. Писатель умеет оттянуться». Да уж, он умел оттянуться, и она тому свидетель.

Она взглянула на остальные газеты и журналы, захваченная мыслью о том, какие сокровища в них скрываются, и поняла, что Аманде все же удалось ее обидеть, удалось нанести рану, которая, возможно, не скоро затянется. Неужели он один знал о темных местах? О грязных, темных местах, где ты остаешься в одиночестве, лишенный дара речи? Может быть, она знала меньше чем он, но и этого было достаточно. Конечно же, ей было известно, что его преследовали призраки, и он никогда не заглядывал в зеркало – а по возможности и в другие отражающие поверхности – после заката. И несмотря на все это, она любила его. Потому что этот человек умел оттянуться.

Умел. Этого человека уже нет. Этот человек скончался, как принято говорить; а ее жизнь перешла в новую стадию, одинокую стадию, и назад возврата нет.

Эта фраза заставила ее вздрогнуть и вызвала мысли о вещах

(пурпур, вещь с пестрым боком)

о которых лучше не думать, и она мысленно повернула вспять.

– Я рада, что ты нашла эти фотографии, – сказала она Аманде с теплотой в голосе. – А ты неплохая старшая сестра, ты знаешь?

Как и надеялась Лизи (хотя и не смела этого ожидать), с Мэнды разом слетела ее заносчивое возбуждение. Она неуверенно взглянула на Лизи, ища и не находя в ней признаки неискренности. Мало-помалу она расслабилась, превратившись в более податливую и покладистую версию самой себя. Она снова взялась за блокнот и заглянула в него, нахмурившись, словно не понимая, откуда он взялся. Лизи подумала, что, поскольку эти числа явно были проявлением какой-то навязчивой идеи, это можно считать шагом в нужном направлении.

Мэнда кивнула, как будто вспомнив что-то важное.

– В тех, что не обведены кружками, тебя по крайней мере называют по имени – Лизи Лэндон, реальный человек. И последнее по порядку, но не по значению – почти каламбур,

если вспомнить, как мы тебя всегда называли, часть чисел обведена квадратными рамками. Это фотографии, где ты одна! – Она бросила на Лизи многозначительный, почти угрожающий взгляд. – На эти тебе стоит взглянуть.

– Конечно. – Лизи изо всех сил изображала энтузиазм, хотя ума не могла приложить, с чего бы ей интересоваться фотографиями, на которых она была запечатлена в одиночку – в те слишком быстро промелькнувшие годы, когда рядом с ней был мужчина. Хороший мужчина, не-инкунс, который умел *оттянуться*, с которым она делила дни и ночи. Она взглянула на растрепанные кипы разноформатных газет и журналов, представляя, как просматривает их одну за другой, сидя по-турецки на полу в «архивном уголке» (а где же еще), выискивая свои фотографии со Скоттом. И на тех, которые так разозлили Аманду, она всегда будет идти чуть позади мужа, глядя на него снизу вверх. Если остальные аплодируют, она тоже будет аплодировать. Ее спокойное лицо, почти лишенное эмоций, будет выражать лишь вежливое внимание. Ее лицо говорило, «Он не наводит на меня скуку». Ее лицо говорило, «Он не приводит меня в экстаз». Ее лицо говорило, «Я не взойду за него на костер, и он за меня –тоже» (ложь, ложь, ложь). Ее лицо говорило, «Все по-старому». Аманду эти фотографии привели в ярость. Она увидела на них свою сестру в роли приправы к основному блюду, в роли оправы для драгоценного камня. Она увидела, что ее сестру называют то *миссис Лэндон*, то *миссис Скотт Лэндон*, а иногда – и это было горше всего, – не называют вообще. Понижают в должности до *подружки*. Аманда, вероятно, восприняла это как своего рода убийство.

«Мэнди- о!»

Аманда взглянула на нее. Освещение не льстило ей, и Лизи вздрогнула при мысли, что осенью Мэнде исполнится 60. Шестьдесят! Лизи поймала себя на мысли о вещи, которая преследовала ее мужа бессонными ночами – о вещи, о которой никогда не узнают Вудбоди этого мира, если она только сможет им помешать. Нечто с нескончаемыми пестрыми боками, нечто, знакомое раковым больным, глядящим на капельницу, в которой не осталось обезболивающего; до утра больше не дадут.

Оно совсем близко, родная. Я его не вижу, но слышу, как оно забирает свою пищу.

Заткнись, Скотт. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Лизи? – окликнула ее Аманда. – Ты что-то сказала?

– Так, бормочу себе под нос. – Она выдавила из себя улыбку.

– Ты говорила со Скоттом.

Лизи оставила попытки улыбнуться.

– Да, наверное. Я до сих пор иногда это делаю. Я сумасшедшая, да?

– Не думаю. Если тебе это помогает, хорошо. Я думаю, сумасшествие – это то, что не помогает. Уж я-то знаю, опыт у меня есть. Так ведь?

– Мэнда...

Но Аманда отвернулась к стопке журналов, ежегодников и студенческих альманахов. Вновь повернувшись к Лизи, она неуверенно улыбнулась.

– Я правильно сделала, Лизи? Я только хотела помочь...

Лизи взяла Аманду за руку и легонько сжала ее.

– Все правильно. Может, пойдём отсюда? Я пущу тебя в душ первой.

4

Я блуждал в темноте, а ты нашла меня. Мне было жарко – так жарко – и ты дала мне лед.

Голос Скотта.

Лизи открыла глаза, думая, что задремала среди дня и успела увидеть краткий, но удивительно подробный сон о том, как Скотт умер, а она совершала геркулесов подвиг, вычищая его писательские конюшни. Но она тут же поняла, что Скотт действительно умер; она заснула в собственной кровати, проводив Мэнду домой, а это как раз и был сон.

Она словно бы плыла в лунном свете. Она чувствовала запах экзотических цветов. Мелкозернистый летний ветерок отведал волосы у нее с висков, ветер, который веет далеко за полночь в каком-то тайном местечке далеко от дома. Но все же это был дом, должен был быть, потому что перед ней была конюшня, где находился кабинет Скотта, объект интереса множества инкунсов. А теперь, благодаря Аманде, она знала, что в нем полно фотографий ее и ее покойного мужа. Спрятанное сокровище, эмоциональные трофеи.

«*Может, не стоит смотреть на эти фотографии?*» – прошептал ей на ухо ветер.

Она в этом даже не сомневалась. Но она на них *посмотрит*. Просто не сможет удержаться, раз уж она знает, что они там. Она пришла в восторг, обнаружив, что плывет на огромном, позолоченном лунной куске ткани с напечатанными на нем многочисленными надписями «ЛУЧШАЯ МУКА ПИЛЛСБЕРИ»; углы полотнища были завязаны в узелки как у носового платка. Она была зачарована этой причудой. Чувство было такое, будто она плывет на облаке.

Скотт. Она попыталась произнести его имя вслух и не смогла. Сновидение не позволило ей это сделать. Она увидела, что дорожка, ведущая к конюшне, исчезла. А с ней и двор, и дом. На их месте было поле пурпурных цветов, нежащихся в призрачном лунном свете.

Скотт, я любила тебя, я спасла тебя, я...

5

И тут она проснулась и услышала собственный голос, повторяющий в темноте, словно мантру: «Я любила тебя, я спасла тебя, я принесла тебе лед. Я любила тебя, я спасла тебя, я принесла тебе лед. Я любила тебя, я спасла тебя, я принесла тебе лед».

Она долго лежала, вспоминая жаркий августовский день в Нэшвилле и думая, – отнюдь не впервые, – как это хреново, по правде говоря, оказаться одной, после того как была с кем-то вдвоем так долго. Казалось бы, за два года это должно бы перестать казаться странным, но нет; время всего лишь сточило самые острые края горя, так что оно уже не рвало душу, а лишь саднило. Потому что все было не по-старому. Снаружи, внутри, в ней самой. Лежа в кровати, на которой когда-то их было двое, Лизи думала, что одиночество никогда не чувствуется так сильно, как когда ты просыпаешься и обнаруживаешь, что дом по-прежнему только в твоём распоряжении. Что ты да мыши в стенах – единственные, кто в нём ещё дышит.